

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ ИСТОРИИ

Уютный дачный детектив

Татьяна Устинова
Анна Полякова
Людмила Мартова
Галина Романова
Елена Логунова
Елена Терехова
Елена Бриолле

**Елена Бриолле
Анна М. Полякова
Галина Владимировна Романова
Елена Ивановна Логунова
Людмила Мартова
Елена Анатольевна Терехова
Татьяна Витальевна Устинова
Уютный дачный детектив
Серия «Великолепные детективные
истории. Новое оформление»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74129671

*Уютный дачный детектив. сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-250146-3*

Аннотация

За деревянными калитками среди клумб и грядок кипят не только дачные заботы, но и самые настоящие расследования. Обычные дачники оказываются втянуты в загадочные истории: таинственные исчезновения, секреты соседей, странные находки и происшествия, о которых не рассказывают в новостях. Здесь вместо профессиональных сыщиков – внимательные хозяйки,

наблюдательные пенсионеры и случайные свидетели, умеющие замечать то, что ускользает от взгляда других. Аромат чая с вареньем, шёпот листвы и тихие вечера становятся фоном для интриг, неожиданных открытий и смелых разгадок. Тёплый, атмосферный и увлекательный, этот сборник доказывает: даже в самом уютном месте может скрываться большая тайна!

«Уютный дачный детектив» – это сборник остросюжетных историй, где обычные люди становятся сыщиками, а случайная находка может изменить всё. Увлекательные загадки, дачный колорит и расследования, от которых невозможно оторваться. Идеальная книга для тех, кто любит комфорт с лёгким привкусом тайны!

Содержание

Елена Логунова

7

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Уютный дачный детектив

Сборник рассказов

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Уютный дачный
ДЕТЕКТИВ

МОСКВА

Елена Логунова

● «Хрустальное счастье» ●

– Где пирог? – Бабка привстала, опираясь ладонями о стол, и требовательно посмотрела в проем двери слева.

– Несу, несу! – весело пропела Маришка в кухне.

– Где Левка? – Бабка повернула голову вправо.

– Иду, иду! – в тон Маришке ответил Левка из полумрака спальни, слегка размытого голубоватым свечением экрана.

Удовлетворенная ответами бабка с важным видом, как Председатель Политбюро, опустила на свое место во главе стола, и тут Артемов, сам того не ожидая, вдруг спросил:

– А где ваза?

– Ваза? Где ваза?! – тут же всполошилась бабка.

Она снова приподнялась и оглядела столовую, поворачиваясь, как пулеметная турель. Зафиксировала взгляд на дверном проеме прямо перед собой и замерла, будто принимая парад, а из бывшей дедовой, ныне артемовской комнаты должны были выйти, стуча в барабаны, пионеры с ответом-речовкой:

Эту вазу наш отряд

Не видал сто лет подряд!

Отряд не выступил, и разочарованная бабка плюхнулась

на стул, выдавив из подушки утомленное «Пуф-ф-ф!» и облачко пыли. Под столом укоризненно чихнул кот.

– А все ты, Мишка! – уличила бабка Артемова, наставив на него узловатый указательный палец.

– Да я эту вазу сто лет не видел! – попытался оправдаться тот.

– А допрежь того ходил вокруг нее и облизывался, как кот на сметану! – припомнила бабка и показала, как Артемов облизывался «допрежь того», то есть сто лет назад.

– Да ладно? – весело удивилась Маришка, явившаяся из кухни с пирогом. Она поставила его на стол, поправила, чтобы красиво было, улыбнулась Артемову: – Наш папа зарился на какую-то вазу? Не верю, он же у нас известный воздержник, постник и аскет. Да, сын?

– И стойк, – с удовольствием подсказал из своей подсвеченной гаджетом пещеры непочтительный сын. Не иначе, в интернете синонимы посмотрел. – И анахорет.

– Цыть, Левка! – Бабка пристукнула ладонью по столу. – Мал еще такие слова говорить!

– А че такого, ба? – Призрачное голубое сияние в спальне погасло, Левка вышел в столовую, бухнулся на стул и сразу же потянулся к пирогу, но Маришка ловко хлопнула его по рукам ладонями в стеганых прихватках, упреждая грабеж и разбой. – Ну, ма! – возмутился Левка. – А че звали-то, если есть еще нельзя? Че, сначала молитвы читать будем?

– Сначала будем мыть руки! – объявила Маришка и мот-

нула головой, указывая сыну направление.

Тот встал, путаясь длинными ногами в складках скатерти, ножках стула и, судя по недовольному придавленному мяву, в лапах кота. Убрел в кухню, там что-то скрипнуло, брякнуло, с грохотом ударила в железо тугая струя, захрустело беспощадно сминаемое полотенце.

– Вымыл! – Левка вернулся, держа руки с покрасневшими ладонями над головой, как пленный фриц. – Теперь разрешите ли откусать, матушка?

– Теперь дозволим, – милостиво разрешила Маришка и положила почтительному сыну на тарелку самый большой и красивый кусок пирога.

Бабка пронаблюдала за этой сценой с довольной ухмылкой, но стерла ее, едва все приступили к трапезе.

– Ба? – Артемов воспросительно глянул на нее.

– Где же ваза-то, а? – тоскливо пробормотала бабка.

Артемов мысленно надавал себе оплеух.

Бабке было под девяносто. Она старательно бодрилась, изображая из себя бравую командиршу, а все ей подыгрывали – кукусься и киснуть в семействе было не принято. Но, оставаясь в одиночестве, бабка съезживалась, как сдувшийся воздушный шар, и часами разглядывала пожелтевшие снимки в старом фотоальбоме. Лишний раз напоминать ей о прошлом не стоило, наоборот: от дел минувших дней ее надо было всячески отвлекать, удерживая в настоящем. «Заякоривать» – называла этот процесс Маришка.

Ваза, которую так некстати вспомнил Артемов, мощно тянула бабку в прошлое.

Ваза была не просто вазой. Три кило хрусталя и тонна воспоминаний о былых счастливых днях в изящной форме сосуда для праздничных букетов, вот что такое была эта ваза. Артемов вспомнил: он и вправду облизывался на нее, когда был ребенком. Глаз от нее отвести не мог!

Ваза стояла на шкафу в комнате деда и в солнечных лучах из окна или в свете лампы на потолке сияла и радужно переливалась, лишая маленького Артемова покоя и сна. Как он восхищался этой вазой! Как страстно желал заполучить ее!

Однажды, не выдержав искушения, в отсутствие в комнате деда он стащил вазу со шкафа и аккуратно выбросил в форточку. Была зима, под окном высился сугроб, ваза канула в снег – предполагалось, что ненадолго. Маленький Артемов думал потихоньку ее забрать и увезти домой, в город, такой был план. Но память у маленького Артемова была короткая, о плане он быстро забыл, о вазе тоже, и даже удивился, когда бабка нашла ту в снегу за окном и устроила деду скандал-головомойку.

По версии бабки, тот самолично выбросил чудо-вазу в окошко по пьяни. Дед, которому и вправду случалось иногда поддаться и начудить, с такой трактовкой событий спорить не стал, а маленького Артемова никто и не спрашивал. Сейчас он уже и не помнил, хотелось ли ему признаться в содеянном. И было ли стыдно?

Сейчас ему хотелось поскорее найти пропавшую вазу, чтобы бабка не куксилась, ныряя в прошлое, как в снежный сугроб, и не горбилась над альбомом со старыми снимками.

– Итак, дорогие мои, у нас есть вопрос. – Сразу после обеда Артемов увел Маришку с сыном в сад, усадил на бревно, исторически заменяющее собой скамью под яблоней, а сам встал напротив, как лектор. – Куда подевалась ваза?

– У меня есть другой вопрос: сегодня тихого часа не будет, что ли? – недовольно скривился Левка и выразительно потер глаза.

Вот интересно: в городе он лет с трех днем не спал, а в деревне заваливался на бочок четко с обеда до полдника!

Артемов с тоской подумал, что и сам бы сейчас с удовольствием вздремнул, но поощрять сибаритство отпрыска, как и свое собственное, не стал, наоборот, построжал:

– Сегодня нам не до сна. Ищем ту вазу.

И, вспомнив, что для Маришки с Лево́й «та ваза» – пустой звук, развел руки, будто демонстрируя размер пойманной рыбы:

– Она примерно вот такая.

– В диаметре, сэ́р? – съязвил непочтительный сын.

Артемов повел руками, переворачивая воображаемую вазу, и дополнил характеристики:

– Хрустальная, шесть граней, на каждой – несколько выпуклых дисков, похожих на линзы.

– Красивая была? – сочувственно спросила Маришка.

Судьба пропавшей вазы определенно представлялась ей трагической. Артемов и сам подумывал: а не грохнула ли бабка свою хрустальную цацу? Вполне могла разбить и за-быть. Склероз, все такое.

– Разделимся, – решил Артемов. – Сын, на тебе сарай. Жена, на тебе чердак. А я ищу за пределами двора.

– То есть на папе целый большой мир, ты поняла? – подмигнул маме непочтительный сын.

Артемов погрозил ему пальцем, поддернул шорты и зашагал к калитке, за которой открывался большой мир.

Целый. В отличие, вероятно, от вазы.

Когда-то поселок был райцентром, но со временем это гордое звание потерял, став обычной деревней. Улица, впрочем, не сильно изменилась. Один ее конец по-прежнему упирался в синеющий вдалеке лес, другой сползал к речке. Артемов огляделся и пошел вниз, но остановился как вкопанный под окном соседнего дома, уловив невыразимо притягательный запах вишневого варенья. Даже не так – бодро булькающего густого сиропа с лениво ворочающимися в нем сочными ягодами.

Он шумно потянул носом.

– Мишка, ты, что ли? – Между крыльями кружевных занавесок показалось красное, как те вишни, лицо.

Катерина, соседка.

– Здравсьте, тетя Катя, – поздоровался Артемов. – А как

вы поняли, что это я?

– По тапкам, – кивнула соседка и спряталась, договорив уже из кухни: – Звонкие они у тебя.

Тапки были не тапками, а древними шлепанцами-сланцами. Их некогда белые перепонки давно приобрели благородный цвет слоновой кости и покрылись сеточкой кракелюра, как антикварный фарфор. Резиновые подошвы промялись под рельеф стоп, образовав два идеальных слепка, но шлепали по пяткам с прежним юношеским задором. Артемов обожал эти тапки. Они составляли оптимальный летний комплект с черными сатиновыми трусами, которых бабка в свое время нашла для деда с таким запасом, что их и внуку хватило. Трусы и шлепки были любимым домашним нарядом Артемова.

На выход он, впрочем, надел футболку и шорты.

– Ну, че ты встал? – шевельнулись занавески. – Заходи, поможешь с пенками.

Артемов мигом вспомнил те пенки – розовые, пышные, горячие, восхитительно сладкие, – и как помогал с ними бабке, когда та вот так же варила варенье. Ноги в звонких тапках сами понесли его в соседский двор и дом.

За забором кто-то отчетливо хихикнул. Не иначе, непопулярный сын, не успевший дойти до назначенного ему сарая. Артемов смешок игнорировал и даже громче, не без вызова, зашлепал любимыми тапками. Как бы давая понять, что у него тут важное дело, и это не дегустация вкусных пе-

нок, а опрос возможного свидетеля, вот!

Тапки он сбросил в сенях – у соседки полы были намыты до блеска – и протопал в кухню.

– Нарядный, – покосившись на гостя, похвалила тетя Катя и аккуратно помешала варенье в тазу.

Футболку Артемову подарил непочтительный сын. На ней был нарисован старичок в седом паричке с косицей и буклями. Старичок стоял над открытым канализационным люком, указывал на него тростью и говорил: «Пока ты всматриваешься в бездну, бездна всматривается в тебя». Цитата была искаженная, да и нарисованный старичок не очень походил на Канта, но на свежего зрителя футболка неизменно производила сильное впечатление. Носить ее в городе приличному человеку средних лет было совершенно невозможно. В деревне же она странным образом никого не шокировала, тут в ряду парадных нарядов еще присутствовали и майки с олимпийским мишкой, и сарафаны с кокошниками, так что Артемов одиноким фриком не выглядел.

– На. – Соседка поставила перед гостем блюдо с пенками, дала ложку. – Пробуй. Ну, как?

Артемов попробовал. Мимикой убедительно показал – как: упоительно, восхитительно, замечательно! Добавил словами:

– Вкус детства!

– А то! Это ж бабки твоей рецепт, – обрадовалась Катерина. – Сама не варит уже?

– Не варит, – вздохнул Артемов.

– Я вам дам пару банок, – пообещала Катерина. – А ты чего хмурый такой?

Она повернулась к нему анфас, распределяя внимание между гостем, нуждающимся в собеседнике, и вареньем, нуждающимся в помешивании.

– У бабки ваза пропала, – сказал Артемов.

– Да ладно?! – Катерина взмахнула руками, как курица крыльями. В тазу с протестующим бульканьем взметнулся багровый фонтанчик. – Та самая ваза? Хрустальное счастье?

Артемов встревожился, заподозрив, что недооценил пропавшую, и уточнил, заранее хмурясь:

– Почему – счастье?

– Так ведь тетя Вера, бабка твоя, так всегда всем говорила: «Не ваза это, а наше семейное счастье». – Соседка очень похоже изобразила бабку. Та и вправду всегда была склонна во всем видеть символы, знаки, знамения и оповещала о них окружающих с чрезвычайно важным видом. – Ей эта ваза нужна была, как собаке пятая нога: в хрусталь положено ставить шикарные букеты, а они тут откуда? Продать ее следовало сразу, хрусталь тогда в большой цене был, и Троекурова Галка очень просила: отдай ты мне эту вазу, Верка, на что она тебе в твоей убогой избе... Ты Троекуровых-то помнишь?

– Троекуровы, Троекуровы... – забормотал Артемов, тщетно пытаясь вспомнить.

– Главные наши деревенские богачи были, – объяснила Катерина. – Пасеку держали, кролей и нутрий разводили, за- всегда при деньгах. Нынче тоже не бедствуют, гостевой дом у них для городских приезжих – качели во дворе, надувной бассейн, все дела... Так вот. Не знаю, каким ветром в наш поселковый магазин занесло те хрустальные вазы, но одну сразу Галка Троекурова купила. А у кого еще такие деньжищи на баловство были? Только у нее...

– Вазы? – повторил Артемов, морща лоб.

– Две одинаковых, – кивнула Катерина. – А Троекурова поначалу лишь одну купила, а дома, значит, посмотрела и поняла, что для полной красоты ей сразу обе нужны, чтобы одну справа от телевизора поставить, вторую – слева. Для симметрии.

Артемов внимательно слушал.

– Побежала Галка снова в магазин, но опоздала: вторую вазу уже купил твой дед. В подарок бабке твоей на какой-то там их юбилей! Придумал тоже. – Она помотала головой. – Такие деньжищи за пустую стекляшку отдал – хватило бы на новое пальто или сапоги! – Катерина сначала закатила глаза, потом скосила их на гостя, проверяя, разделяет ли он ее праведное негодование.

Артемов хранил молчание, возмутительное транжирство деда публично не осуждал.

– Тогда Троекурова Галка к бабке твоей метнулась, но та уперлась и вазу не продала. Придумала ей особое назначе-

ние – быть семейным талисманом.

– А он пропал. – Артемов наконец осознал размер проблемы.

– Опять, – кивнула Катерина.

– Опять? – не понял он.

– Так пропадала она уже как-то раз. – Катерина отвернулась, поскребла в тазу ложкой, снова оглянулась на гостя. – Давно уже, ты еще маленький был, а я в девках ходила. – Она подняла руку, чтобы кокетливо поправить косу, от которой остались одни воспоминания, но наткнулась на крахмальное полотно белой тугой косынки, стыдливо прячущей три волосинки в шесть рядов. – Ой, как тетя Вера всполошилась, когда хватилась своей вазы – а нет ее! Причитала, что все теперь, конец семейному счастью. Но в тот раз пронесло: нашлась потеря. А теперь, значит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.